

КОСМОГОНИЯ В СБОРНИКЕ «ВЕНОК» М. БОГДАНОВИЧА

В. А. Степанов

Миф о сотворении мира, или космогония, достаточно популярен в мировой литературе. Начиная с древности, он присутствовал в сакральных текстах (например, индийские «Веды» или Ветхий Завет). Был важным атрибутом эпических поэм («Метаморфозы» Овидия, «Потерянный рай» Мильтона). Космогония помогала, во-первых, развить у человека историзм мышления, учила воспринимать реальность как изменяющуюся во времени, во-вторых, позволяла в художественной форме объяснить философские вопросы бытия.

В белорусской литературе М. Богданович одним из первых воплотил космогонический миф (сборник «Вянок»). Причем, используя классический сюжет о сотворении вселенной, поэт оригинально реализует его как через образы, фигурирующие в стихах, так и через форму: звуковую организацию, порядок стихов в цикле.

В первом цикле «Вянка» – «Малюнкi і спевы», состоящем из 26 стихотворений, автор выступает в качестве демиурга. Космогонический смысл читается не в буквальном смысле каждого из стихотворений, а в качестве «архесмысла», «надсмысла». Если мы проследим постепенное развитие и изменение некоторых образов, цвета, звуков, течения времени, мы увидим, что стихотворный цикл имеет космогонический подтекст.

ОБРАЗЫ

В самом первом стихе цикла «Чуеш гул?» поэт перекликается с книгой Бытия Ветхого Завета («Вначале было слово», 1.1). И уже здесь он показывает особенность своей космогонии: это не создание реального мира во вселенной, как это делает творец в Библии, а создание эстетической реальности по такой же модели. Искусство – отражение жизни, поэтому голос поэта звучит эхом – «слышишь?». Этот стих можно назвать своеобразной увертюрой к сборнику: автор, как творец, охватывает взглядом мир, который он создает.

Посмотрим, как Богданович создает свой мир, постепенно вводя новые и новые поэтические образы. Во втором стихотворении появляется вода («люстэрка») и суша («бор лесуна») – то есть творец отделяет «воду от тверди». Далее появляются солнце, месяц, звезды («сонца скацілася, месяц свеціць») – свет отделяется от тьмы, появляются солнце и планеты. В стихотворении «Вадзянік» фигурируют образы воды и дна – мир подводный. В «Змяіным цары» уже появляются душноватые норки, то есть формируется подземный мир. Интересно, что путаница со змеями и звездами (окончательно трудно понять, то ли ползут змеи по земле, то ли

звезды в небе) нужна автору, чтобы завершить размежевание неба и земли. Когда основа сформирована, приходит черед растений («Привет тебе, жыццё на волі»), затем – животных. Тут же творец слагает гимн своему творению и, как Бог в Библии: «Увидал, что все хорошо весьма». Летучая мышь, кузнечики, лунь, мыши вдруг рождаются в стихе «Блішчыць у небе зор пасеў». Самое интересное наступает дальше – создается человек:

Цёплы вечар, ціхі вечар, свежы стог,
Улажылі спаць мяне вы на зямлі. (...)
Бачу я, з прыродай зліўшыся душой,
Як дрыжаць ад ветру зоркі нада мной.

Он не спеша осознает себя, ощущает части своего тела, озирается кругом. Очень похоже вспоминает Адам о своих первых впечатлениях у Мильтона в поэме «Потерянный рай»:

Сперва, как бы очнувшись ото сна глубокого,
Простертым на траве и на цветах, себя я осознал [2, с. 230].

В следующем стихотворении «Доброй ночи, зара-зарніца!» человек в гармонии с природой: он разговаривает с зарей; звезды, ветер, растения называются им, проходят через его сознание. Сравните у Мильтона: «Пытаюсь молвить – и заговорил. Всему, что пред глазами мой язык послушный нарекает имена» (VIII кн.) Затем человек постепенно отдаляется от природы, вступает с ней в конфликт, который достигает апогея в «контрапункте цикла» [1, с. 482] (Т. Чабан), а потом, обретя искусство, человек вновь обретает гармонию, и цикл завершается гимном красоте – «Маёвай песняй».

ЗВУКИ

Звук развивается в поэтических образах и в оркестровке стихотворений. В «Возеры» все еще тишина (нет ни одного упоминания о звуке, шуме), а затем в следующем стихе «Над возерам» ночь уже «шапоча» – это рождение звука, первый лепет создаваемого мира. В стихотворении «Бура» наступает второй этап развития звука: «грукат» – то есть, он становится стихийным, несдержанным, из робкого шепота перерастает в грохот. А уже в «Возеры» мы слышим переборы струн – звук вступает в третий этап, он приобретает гармонию, становится эмоциональным, одухотворенным. Такая схема (тишина – грохот – гармония) очень похожа на аналогичную у Р. Штрауса в его симфонической поэме «Так говорил Заратуштра». «Маёвая песня» уже соткана из звуков (De la musique avant toute chose!) – «І ліецца хваляй песня... Ці не вецер гэта звонкі ў тонкіх зелках шапаціць?... Ён дрыжачымі крыламі звоніць ледзьве чутна ў іх...» и т.д.).

Время

Если рассматривать ход событий в цикле, то можно заметить, что в некоторых стихах события развиваются динамично, в других – достаточно медленно, в третьих ход времени совсем не ощущается. В стихе «Чуеш гул» понятия времени не существует, как и в последующих четырех стихах, природа здесь находится в дремлющем, недвижимом состоянии («Їсє навокал сном адвечным спїць»), а затем в «Змяіным цары» появляется первое движение. Как и в случае со звуком, движение развивается стихийно («Бура») и в конце концов приходит к гармоничному состоянию («Прывет табе, жыщцє на волі») – здесь движение земли, неба и воды синхронизируется.

ЦВЕТА

В стихотворном цикле можно проследить и эволюцию цвета: он развивается в несколько этапов от белого к черному. Причем автор действует как талантливый колорист – его цвета последовательно вытекают друг из друга, через смешение. Из белого – серебряный, из желтого и зеленого – голубой, а изо всех вместе – черный. Они несут символическую нагрузку. Белый («Над возерам», «Блішчыць у небе зор пасеў») – это цвет самого творца-демиурга, божественной мудрости, а также макромира (планет, звезд). Желтый и зеленый («Вадзянік») – цвета природы. Красный («Прывет табе, жыщцє на волі») – цвет животных. Черный, как смесь всех остальных цветов, выступает «кодой», подытоживающей развитие всех цветовых «партий».

Таким образом, можно говорить о том, что М. Богданович реализовал космогонический миф в сборнике «Вянок». Интересно, что автор, создавая мир «Вянка», одновременно следует классической библейской космогонии (хаос-тьма-свет-твердь-вода и проч.), но использует для ее выражения не просто поэтические образы, но и порядок стихотворений, изменения цвета, звука, времени в каждом из них.

Писатель создал многомерный и гармоничный мир, сочетая традицию и новаторство формы. Космогония в «Вянке» напоминает фугу: множество партий развиваются параллельно, переплетаются, а в финале сливаются в полнозвучном и ясном аккорде. Также в подтексте цикла «Малюнкi і спевы» читается драматическая история создания мира, животных, человека, который сначала находится в гармонии с природой, черпает в ней духовные силы, а затем через искусство поднимается на новую ступень бытия.

Литература

1. *Багдановіч М.* Збор твораў: У 3 т. Мн, 1992. Т.1
2. *Мильтон Д.* Потерянный рай. Стихотворения. М., 1976.